

Иллюстрации // Окунов Я. [псевд.; Я.М. Окунов]. Грядущий мир : Утопический роман / Обл., илл.: Н. Акимов. - [Пг.] : Третья стража : Прибой ; Тип. Первой Петроградской Трудовой Артели Печатников (Можовая, 40), 1923, С.3, 6, 20, 28, 30, 33, 37, 54, 57, 70.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

аз профессора Морана.

- Алло!
- Алло! У телефона профессор?
- Да, я—Моран. Что угодно?
- Я—Викентьев.
- Викентьев? Не имею понятия... Впрочем... Ага! Это о вас говорил профессор Звягинцев?
- Я самый...
- Шу?
- Я согласен.
- Вы посвящены во все? Вы не боитесь? Твердо решили?
- Да, профессор.
- У вас нет ничего, что связывало бы вас? Ведь это на двести лет. У вас нет близких?
- У меня нет никого. Разрешите притти к вам.

— Хорошо. Сегодня между шестью и восемью. Не раньше и не позже. Адрес...

— Я знаю. Мне сказал профессор.

— Буду.

— До свиданья, профессор.

Отбой. В разных концах огромного города два человека почти одновременно положили телефонные трубки.

Викентьев—высокий и плоский, узкие плечи, лицо тусклое, серое, точно покрыто пылью, на впалых щеках пламенные пятна лихорадки, глаза горят беспокойным блеском.

Из редакции отвечает звонкий молодой тенор. Ах, это профессор Моран? Сям профессор? Тысячу извинений! С профессором говорит помощник редактора. Сию минуту подойдет редактор. Через минутку в телефоне гремит бас. Не разрешит ли профессор лично редактору—лично!—заехать к нему по поводу опровержения? Зачем? Редакция располагает авторитетнейшими данными и доказательство того, что заметка о газе не выдумка...

Трубка с грохотом падает на крючок аппарата. Профессор посылает редактора к черту.

Самое неудобное обстоятельство во всей этой истории,— что профессор знает, где зарыта собака. Если хочешь сохранить тайну, не следует делить докладов даже в таком кружке спецалистов, заже под условием сохранения тайны.

После короткого разговора по телефону с редактором, профессор Моран вывалил вазиние в своем кабинете весь свой валячивый запас крепких выражений, выкурил одну за другой две сигары и решил, что дело, в сущности, не стоит выеденного яйца.

— Я — Викентьев.

— Отлично. Вы аккуратны. Садитесь в это кресло. Курите? Нет? Прекрасно!

будет говорить о безработице. Товарь Пиртон сидит без работы. Товарь Пиртон имеет право послушать речь Хорни о безработице.

Что? Свисток? Ну, право, ссора с полицейским сейчас не входит в расчеты Пиртона. Пиртон ныряет в толпу и, припадая на свою хромую ногу, уходит подалее от греха.

Огненными аршинными буквами кричат бюллетени на витринах газет. Пиртон вмешивается в толпу, стоящую перед витриной.

— Япония стягивает флот!— кричит бюллетень.

— Англия вручила ноту правительству С.-А. Ш.!

— Секретное заседание во французской палате!

В потоке шляп, котелков и кеши мелькают белые листы вечерних газет. Их рвут у газетчиков, читают у витрин магазинов еще свежие, маркие от типографской краски, столбцы.

— С.-А. Ш. не желают войны. Но С.-А. Ш. предупреждают, что...

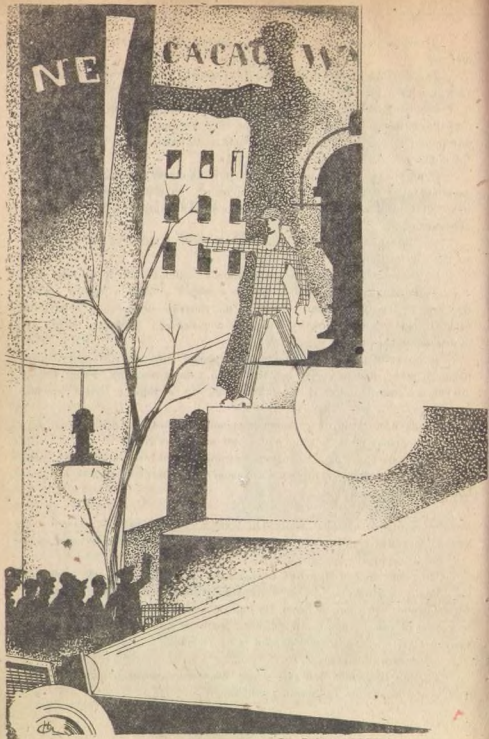
— Прием послов Англии, Японии и Франции в Белом Доме... Американский народ не допустит...

— Нам нужна почва в Китае. Япония интригует.

Что? Опять итирают очки! Точь в точь, как перед прошлой войной. Хромой Пиртон потерял ногу на той войне, потерял работу после войны, потерял жену от безработицы. То-есть, умерла от чахотки, а чахотка началась от безработицы... Нет, Пиртона больше не понимают на эту удочку!

Котелки и кеши шумят у витрины «Нью-Йоркского Вестника». Опять война, опять? Пусть воюют те, кому она нужна.

Но кокани весь вышел, и его высочество падает в бешенство. Его глаза — точно две никелевые монеты. Он ничего не понимает. Он кричит, брызгая слюной:

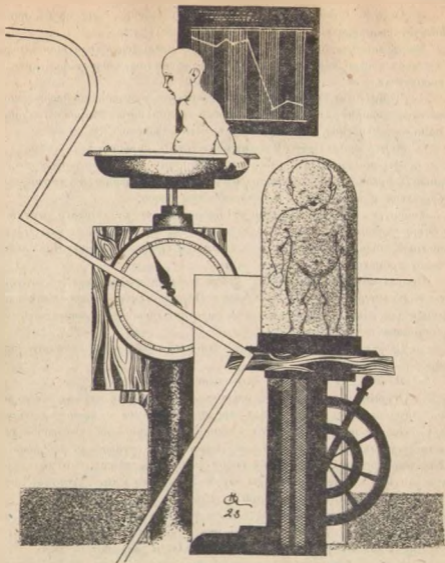
— Мерзавцы! Дайте мне кокани! Я не могу жить без кокани!

Потом он тупеет. Его бритое длинное лицо деревенеет. Впалый лоб покрывается потом. Его высочество вторит:

— Меня расстреляют. Увезите меня подальше. Я боюсь, боюсь!

Утром недалеко от яхты пробегают два микомосца под красными вымпелами. У Джона Хайга, не отрывающегося от подзорной трубы, про-

Дети сидят и набрасывают на полотно сочные мазки красок. Они умело передают игру света и тени, переливы, оттенки цветов, и кажется, что все эти дети талантливы. И та же мысль об одаренности детей Мирового Города приходит в голову Викентьева и Евгении, когда они заглядывают в музыкальную студию, где дети разыгрывают свои музыкальные

Евгения прижимает руки к сердцу: как оно бьется. Отчего он так скоро исчез.

Вдруг луна начала падать на землю. Или земля на луну. Только что она была серебряной чечевицей на синем небе и вдруг начала расти. В четверть часа ее диаметр вырос до саженки... И еще: все небо заволкло густой дымчатой пеленой, закрывшей звезды, и только луна вырезывается из этой пелены и растет, растет...

Десятки обсерваторий Мирового Города тревожно переключаются по радио-видеографу:

— Что это? Что это? — Мировая катастрофа?

— Парушены законы тяготения! Конечу земле!

— Сейчас начнутся страшные циклоны!

— Наблюдайте за магнитной стрелкой! Будет магнитная буря!

Мир погибнет прежде, чем земля утолкнется с луною, от взрыва земной атмосферы!

Все жители восточного полушария, где наблюдалось это явление, высыпали на террасы Мирового Города и с немим ужасом глядели на небо.

энергия заменила силу пара и ветра. Работы ученых над продлением человеческой жизни, над выработкой искусственной живой материи, над вопросом омоложения, над гиннозом, над психологическими вопросами — достигли за последние десятилетия крупные успехи. Современная наука делает чудеса и шагает семимильными шагами к победе над природой.

Все то, что изображено в этом романе, либо уже открыто и применяется на деле, либо на пути к открытию.

Поэтому, автор имеет даже основания опасаться, что он взял слишком большой срок для наступления царства грядущего мира и убежден, что через 200 лет действительность оставит далеко позади себя все то, что в романе покажется читателю выдумкой.

Як. Окунев.

